

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО В СПОРЕ О БУДУЩЕМ УНИВЕРСИТЕТА

А. М. Аблажей (Новосибирск)

Аннотация. В статье анализируются процессы трансформации организационной структуры и системы управления современного университета в условиях реформы вузовской системы. Анализ сложившегося положения дел показал, что получение статуса национального исследовательского университета ведет, с одной стороны, к увеличению финансирования и качественному рывку в развитии вуза, с другой – к резкому сужению пространства университетской демократии и ослаблению влияния преподавательского сообщества на ситуацию в нем. Сделан вывод, что наличие подобных тенденций вызывает озабоченность в преподавательской среде, а их продолжение приведет, в конечном итоге, к падению качества образования; к пониманию, что бороться с тенденциями сужения внутриуниверситетской демократии и ослабления влияния профессуры возможно главным образом путем максимальной диверсификации источников развития (прежде всего финансирования) университетов прежде всего за счет активного поиска частных инвесторов. Это могут быть средства ассоциаций выпускников или крупных компаний, заинтересованных в долговременном сотрудничестве с вузом. Заметный рост такого рода доходов неизбежно приведет к усилению влияния тех же попечительских советов в качестве параллельных органов, если не рутинного (оперативного) управления вузом, то определения стратегических целей и источников его развития, которые при внушительных объемах параллельного финансирования (речь идет, естественно, о государственных вузах) вполне могут выступать на равных как с университетской, так и государственной бюрократией.

Ключевые слова: высшее образование, реформирование, рейтинг, национальный исследовательский университет, профессорское сообщество, университетский менеджмент.

© Аблажей А. М., 2016

Анатолий Михайлович Аблажей – кандидат философских наук, заведующий сектором социологии науки и образования, Институт философии и права СО РАН, доцент философского факультета, Новосибирский государственный университет.

E-mail: ablazhey@academ.org

Anatoly M. Ablazhey – Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Sector of Sociology of Education and Science, Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Docent of the Department of Philosophy, Novosibirsk State University.

**PROFESSOR'S COMMUNITY IN A DISPUTE
ABOUT THE UNIVERSITY FUTURE**

A. M. Ablazhey (Novosibirsk)

Abstract. *The author uses the example of two of the regional Russian universities to describe the processes of transformation of the organizational structure and management system in the modern university in a reforming university system. The analysis of the current situation has shown that the status of a national research university leads, on one hand, to an increase in funding and a qualitative leap in the development of the university, on the other, to a sharp narrowing of the space of the university democracy and the weakening of the influence of the professors' community. It is concluded that the presence of these trends is a concern in the professor environment, and their continuation would lead, eventually, to the fall in the quality of education. It is concluded that the fight with the trends of narrowing of the inter-university democracy and the weakening of the influence of professors is possible mainly by the maximum diversification of sources (primarily financial) for development of universities, primarily due to an active search for private investors. It can be the money of alumni association or large companies interested in long-term cooperation with the university. The notable growth of such revenues will inevitably lead to increased influence of those same boards of trustees as parallel bodies, if not routine (operational) management of the university, but the definition of strategic objectives and the sources of its development, which, at the impressive volumes of parallel financing (here we talk about public universities), it can act on an equal footing with both the university and the state bureaucracy.*

Keywords: *higher education, reforming, national research university, professor's community, university management.*

Произошедшая недавно смена министра образования и науки Российской Федерации ожидаемо вызвала активизацию дискуссий о правильности выбранного направления реформ в образовательной и научной сферах. Это касается не только ЕГЭ и школьного образования в целом (новый министр пообещала обратить первостепенное внимание именно на школу), но и развития вузов и, в частности, состояния преподавательского сообщества, его роли в управлении современным университетом и определении путей развития.

По мнению зарубежных коллег, в условиях нарастающего дефицита ресурсов, ставшего неизменным спутником коммерциализации высшего образования, пространство университетской демократии постоянно сокращается. Как пишет Д. Бок, уже много лет ректор и президент Гарвардского университета, «73% преподавателей американских университетов сообщают, что решения стали приниматься более бюрократическим, иерархическим, централизованным, автоматическим и директив-

ным способом... [между тем] иерархически организованный менеджмент редко приводит к инновационным прорывам в образовании и науке» [1]. И это в то время, когда задача формирования и реализации тех самых «инновационных прорывов» стала едва ли не основной для современного университета.

Существенное изменение институционального ландшафта современного вуза носит фундаментальный характер, в связи с чем ряд авторов предлагают обратить самое пристальное внимание на внутреннее устройство самого вуза, историю его формирования и развития, складывания локальных традиций, «дух университета», на взаимоотношения кафедр, научных школ, формы и способы коммуникации университетского руководства, с одной стороны, и преподавательского корпуса – с другой. Иначе говоря, утверждается точка зрения, согласно которой «университет – это организация, объединяющая в себе множество контрагентов, борющихся и кооперирующихся друг с другом, конкурирующих или совместно принимающих решения... агенты внутри университета формируют устойчивые конфигурации отношений (которые, по сути, и являются “университетом”)» [2].

Таким образом, важнейшее место в современных исследованиях системы высшего образования должны занять case-study конкретных вузов, что даст возможность для глубокого и плодотворного анализа процессов, которые характерны для системы высшего образования не только на глобальном (мировом), но и на общероссийском и региональном уровнях. В настоящей статье на примере одного из крупных российских вузов регионального уровня будет сделана попытка описать сложную систему взаимоотношений высшего университетского менеджмента и профессорско-преподавательского сообщества. В первую очередь речь будет идти не о внешнем (официальном) образе университета: о том, как он сконструирован, например, на официальном сайте вуза, а о представлении о настоящем и будущем вуза: как оно сформировалось на разных уровнях университетской иерархии. В поле нашего зрения намеренно оказывается университетский менеджмент, который в современных условиях играет все большую роль в жизни любого вуза, будучи при этом малоизученным. По словам К. Губы, традиционный фокус внимания исследователей только на преподавателях и студентах вузов отражает «привычный взгляд на университет, в котором администрация осмысливается как изначально подчиненный элемент, который не делает университет университетом. Однако множество изменений в современных высших учебных заведениях невозможно проанализировать без внимания к тому, за счет каких ресурсов они живут и как они управляются. Для того чтобы продвинуться в этом направлении, нужно отка-

заться от изучения одной только повседневности, которая близка нам как студентам и как преподавателям, и задаться вопросом, что происходит за закрытыми дверьми административных помещений» [3].

Объектом нашего анализа выступил Иркутский технический университет (ИрННТУ), в 2010 г. ставший единственным национальным исследовательским университетом Восточной Сибири и Дальнего Востока (на официальном сайте вуза можно без труда найти цветную карту, которая ярко иллюстрирует этот факт, являющийся предметом гордости ректората). Кроме того, в ряде случаев будут приводиться материалы полевого исследования в Сибирском федеральном университете. Оба вуза являются показательными примерами драматических перемен, переживаемых российским высшим образованием в последние годы.

Анализ проведенных нами в мае – июне 2014 г. в ИрННТУ интервью и бесед с работниками разного административного статуса, а также материалов местной прессы приводит к выводу о том, что сегодня в вузе налицо противостояние «старой» и «новой» команды в борьбе за пост ректора (который освободился после возбуждения уголовного дела в отношении прежнего ректора И. Головных). Наши собеседники особо отмечали тот факт, что и.о. ректора А. Афанасьеву – организатору и первому руководителю вузовского «Нано-центра» – университет обязан существенным увеличением «внебюджетки». Для легитимации своего положения он провел быструю предвыборную кампанию, но в последний момент выборы, назначенные на апрель 2014 г., перенесли ориентировочно на осень (как выяснилось позднее, вскоре и вовсе отменили). Нынешний глава вуза не является его выпускником, и это, как считают представители академического сообщества Иркутска, очень серьезный фактор, работающий против него.

Немаловажный факт: соперником Афанасьева на несостоявшихся выборах должен был стать представитель так называемых «старых» (традиционных для вуза) факультетов. Стоит обратить внимание на замечание собеседников о «старых факультетах». Дело в том, что сегодня в ИрННТУ сложилась достаточно специфическая, в известном смысле переходная ситуация, когда в структуре вуза одновременно существуют как традиционные факультеты, для которых характерно наличие института выборных деканов и достаточно влиятельного Ученого совета, так и институты, во главе которых стоит назначенный ректором директор. При этом *факультеты*, если рассмотреть их названия и структуру (международный (подготовительный), прикладной лингвистики, физической культуры и спорта, заочно-вечерний, среднего профессионального образования, послевузовского обучения), не способны оказывать серьезного влияния на жизнь вуза, играя роль второстепенных структурных единиц

на фоне основных – институтов. При формировании подобной структуры руководство университета стремилось по-новому скомпоновать как традиционные для университета направления подготовки, так и новые специальности. В соответствии с имевшимся потенциалом формировались и перспективные направления развития университета как национального исследовательского, что подтверждают взятые нами интервью (здесь и далее цитаты из интервью выделены в тексте курсивом): *«Мы выделили четыре направления, исходя из нашего кадрового потенциала, [имеющихся] научных школ: горная тематика, недропользование; машиностроительная и авиационная (у нас авиационные заводы здесь, все кругом наши выпускники, и в научном плане тоже это двигалось); архитектурно-строительное; физико-техническое, нанотехнологии. Конечно же, пытались учесть и другие, например, экономистов».*

Важный вопрос заключается в том, изменилась ли в целом система управления университетом после получения статуса национального исследовательского университета (НИУ). Один из наших респондентов высказал мысль о том, что если первоначально за объединением институтов стояли рациональные мотивы: *«Это правильно. Мы объединили факультеты... под ПНРы [перспективные направления развития] и создавались институты»*, то сегодня ситуация изменилась: *«Сейчас просто так уже, тупо объединяют... есть у нас институт, состоящий из двух кафедр».*

Примерно в том же ключе ответил и другой наш респондент, входивший до недавнего времени в руководящее ядро университета. На вопрос о том, случились ли какие-то подвижки в руководстве вуза, ротации на уровне как высшего, так и среднего уровней управления после получения статуса НИУ, был получен следующий ответ: *«Этот процесс – институты вместо факультетов – активно пошел года два назад, причем одни факультеты “сливались” и образовывался вместо двух факультетов один институт, иногда факультет дробился, одна его часть отдавалась одному институту, другая – другому. Вот, буквально не так давно тоже возникло два новых института, буквально несколько недель назад был образован новый институт – из одной кафедры один институт (!), что тоже вызывает некоторое удивление у народа. Вообще, процесс образования институтов, на мой взгляд, – это игра, которую устраивает администрация для того, чтобы убрать неудобных людей и создать ту структуру, которая была бы им более, так сказать, послушна».* На уточняющий вопрос о том, можно ли сказать, что, по сути, ставилась задача – сделать систему более управляемой, наш собеседник дал утвердительный ответ: *«Конечно, конечно. Дело в том, что декан – он же выбирается, а директор института назначается. Если ты хочешь, ты всегда можешь его сместить, расторгнуть с ним контракт, который существует. Как, кстати, и проректора. Все они полностью зависят от ректора.*

И получается такая управляемая стабильная структура, которой можно руководить, как хочешь, неудобных убирать. Ученый совет из органа, который действительно влияет на ситуацию, превращается в управляемый орган, который практически ничего не говорит против власти. Поднимает руки и все. То есть какое-то самоуправление, появление новых идей и свобод теперь полностью контролируется, и я не знаю, хорошо ли это? Наверное, нет, потому что инициативы-то нет. Люди подневольные в творческом отношении слабы, зачем им делать лишний шаг куда-то в сторону, если они знают, что их могут остановить, поругать, а может быть, даже и убрать. Теперь коллектив не может влиять на то, кто будет руководить. Он не может выбирать того человека, который устраивает [профессуру] и который, на ее взгляд, отвечает чаяниям, требованиям и может за них бороться. Зачем будет руководитель института бороться за свой коллектив, если он от него [коллектива] никак, собственно, не зависит».

Для нас в этой схеме, вполне рациональной и разумной с точки зрения классического менеджмента, принципиально важен один момент – создание новой структуры университета привело к резкому сокращению пространства внутриуниверситетской демократии, что наложилось на параллельное сокращение пространства университетской автономии в целом, поскольку особая схема финансирования НИУ предполагает гораздо более жесткий контроль и схему курирования всех сфер жизни вуза со стороны профильного министерства и других контролирующих органов (Министерства финансов и др.). В этой связи отнюдь не случайно, что на вопрос о том, в каком направлении нужно изменить систему управления, как обеспечить лучшую управляемость и насколько необходимо более активное участие преподавателей в этом процессе, наш респондент ответил: «На мой взгляд, у нас была такая, будем говорить, командно-административная система последние годы, и как показала практика, в ней положительного мало. Тут надо как-то сдвинуть, [может быть], не совсем демократическую систему избрать, но смешанную, чтобы преподавателям было интересно, чтобы стимулы были какие-то работать: зарабатывать деньги, писать статьи. Мы всегда говорили, что надо разделиться: кто может наукой заниматься, надо стимулировать, чтобы он ею занимался, кто может писать методические указания, учебные программы разрабатывать, его тоже надо стимулировать... Чтобы был интерес, их активность. Мы разрабатывали систему поощрений, но это все куда-то на полку ушло. Надо вернуться к этому, к этой системе».

Непосредственное влияние на процесс складывания новых тенденций во взаимоотношениях руководства вуза и «рядовых» преподавателей оказал скандальный процесс выборов нового ректора (они, кстати, так и не состоялись, и в университете до сих пор ректора). В беседе с од-

ним из респондентов уделялось особое внимание проблеме качества руководства, оценке сложившихся (и складывающихся в настоящий момент) методов и форм управления вузом, степени самостоятельности учреждения в определении вектора дальнейшего движения и средств реализации поставленных задач. По мнению нашего собеседника, *«сейчас время не очень спокойное, перипетии с бывшим ректором... все-таки большая часть заслуг принадлежит деканам факультетов – они упорно сидели и переписывали те бумаги, которые потом подавались в министерство. Сейчас, в связи с нестабильностью, которая существует, напряженности в ожидании того, что будет дальше, когда неизвестно, к кому перейдет власть, всегда думаешь, а как бы тебе не подставиться где-то. Ты поддержишь одного, а он не пройдет, поддержишь другого, он тоже [не] пройдет. Хотя сейчас все делается для того, чтобы кандидатов не было, кроме одного – [того] который сейчас исполняет обязанности ректора. Для этого, наверное, и [выборы ректора] перенесли».*

На наш взгляд, необходимо обратить особое внимание на важное обстоятельство, отмеченное одним из наших респондентов, а именно тот факт, что сложившаяся в университете система руководства не вполне отвечает потребностям времени. Рядовые преподаватели практически выключены из процесса осмысления и публичного обсуждения того, что происходит с вузом сейчас и как будет строиться его политика в будущем. Другими словами, в идеале необходимо соединить принцип единоначалия с демократией. Этого сделать за 3,5 года, прошедшие после получения Иркутским политехом статуса национального исследовательского университета, по свидетельству наших респондентов, не удалось. Напротив, все свидетельствует о том, что ни старое, ни новое руководство вуза к этому и не стремились. Складывается впечатление, что в своих интервью и обличительных статьях прежний, насильственно отстраненный от власти ректор и не пытается апеллировать к преподавательскому сообществу, полагая, что от него мало что зависит. В эпоху коммерциализации образования, прежде всего высшего, университетская демократия только мешает управлять вузом как коммерческим предприятием, главное предназначение которого – приносить прибыль, а основное предназначение наемного работника – безусловно исполнять указания руководства, равно как университетская автономия мешает управлять университетом в рамках министерской властной вертикали. В новой редакции Устава того же ИрНИТУ отмеченная тенденция получила логическое завершение путем отказа от выборов ректора в пользу его назначаемости. Ректор как высшее должностное лицо вуза теперь не подотчетен коллективу, его работодатель – профильное министерство. Таким образом, для вуза получение особого статуса – национального исследовательского университета – оз-

начало не только наступление эры (правда, сравнительно кратковременной) относительного финансового благополучия, но и чрезвычайного усиления бюрократии. Последняя, следуя классическим законам Паркинсона, очень скоро даст всем понять, что именно она – главная в вузе, поскольку обоснование порядка раздачи и определение размера дополнительных средств, которые окажутся в распоряжении той или иной кафедры, факультета, института, равно как и каждого отдельного преподавателя, находятся почти исключительно в ее компетенции. Не удивительно, что сегодня в сложившихся в целом ряде ведущих университетов условиях наиболее ощутимые дивиденды (как финансовые, так и, что не менее важно, властные) от получения статуса ведущего вуза получили именно бюрократические структуры (офисы проректоров по развитию, инновациям, проектные офисы и пр.), которые начинают работать в основном исключительно на себя, почти не принимая во внимание интересы преподавателей и студентов. В подобных условиях традиционный, но ставший именно в эпоху коммерциализации и бюрократизации образования чрезвычайно актуальным вопрос о том, кто занимает в вузе центральное место – преподаватель или управленец, кажется сегодня скорее риторическим, поскольку ответ на него очевиден. С другой стороны, подобный подход оказывается справедливым при условии, что управление вузом, который является сложноорганизованной системой, строится на основе упрощенных приемов и сводится лишь к капитализации текущего статуса и заданию порядка распределения.

Упомянутый выше Д. Бок справедливо отмечает: «Университеты будут лучше справляться с защитой своих основополагающих ценностей, если профессора станут принимать участие в планировании и проверке всех форм коммерческой или иной приносящей прибыль деятельности, имеющих отношение к академической жизни университета» [1]. Таким образом, проблема ускоренного сокращения пространства университетской жизни, в границах которого продолжает реально учитываться мнение преподавательского сообщества, сегодня актуальна не только для российского высшего образования.

Из частных бесед с американскими коллегами, состоявшихся в последние годы, стало понятно, что в целом традиции тамошней университетской демократии также находятся под угрозой, поле их деятельности активно сужается вследствие действий университетской бюрократии. Например, в государственном Университете Аризоны офис ректора просто оповестил профессуру о том, что в вузе больше нет традиционного факультета свободных искусств (College of Liberal Arts), вместо которого было создано несколько новых факультетов (colleges). Мы сейчас оставляем в стороне вопрос о целесообразности подобных изменений

(не исключено, что они вполне разумны и назрели), мы говорим о том, что в таком важнейшем вопросе, как изменение структуры университета, преподавательское сообщество было отодвинуто в сторону.

В небольшой статье, опубликованной в осеннем 2014 г. выпуске бюллетеня Высшей школы экономики «The Hire Education in Russia and Beyond (HERB)», посвященном текущим трансформациям академической профессии, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге М. Соколов вслед за Альбертом Хиршманом выделяет два источника власти университетской профессуры: первый из них он называет «властью выхода» – возможность профессора уйти из данного университета в другой, предлагающий более выгодные условия; второй – «властью голоса», предполагающий участие профессуры в решении вопросов внутриуниверситетской жизни путем голосования. Анализируя в рамках данного методологического подхода опыт последних двадцати лет существования российской вузовской системы, Соколов отмечает наличие тенденции, имеющей, по сути, фундаментальный характер: «Суверенитет университетской профессуры постепенно теряет свою силу, так как демократические выборы заменяются цепями бюрократического порядка». Ярким примером подобной тенденции может служить, например, условие, поставленное профильным министерством тем университетам, которые приняли участие в конкурсе на право участия в программе «5/100». Речь идет о том, что участвующие в данной программе вузы обязаны «оптимизировать управление», прежде всего отменить прямые выборы ректоров. В рамках той же самой «оптимизации» идет ускоренный отказ от традиционной системы факультетов во главе с выборными деканами, на смену которым приходят институты во главе с назначенными ректором директорами. Правда, по словам Соколова, отчасти мы являемся свидетелями наличия противоположной тенденции: существенное сужение университетской демократии сопровождается одновременным «увеличением финансирования научных исследований и целенаправленными попытками стимулировать межрегиональную академическую мобильность с целью предоставить научной элите «власть выхода» в обмен на потерю «власти голосования» [4].

На наш взгляд, эту мысль подтверждает опыт зарубежных университетов: бороться с тенденциями сужения внутриуниверситетской демократии и сужения влияния профессуры возможно главным образом путем максимальной диверсификации источников развития (прежде всего – финансирования) университетов, прежде всего, благодаря активному поиску частных инвесторов. Подчеркнем, что в данном случае речь не идет об увеличении удельного веса средств, полученных в качестве платы за обучение, как правило, эти средства концентрируются в руках рек-

тората и становятся лишь дополнением к бюджетным деньгам. Речь идет об увеличении доли тех доходов, на которые отсутствует право монопольного распоряжения со стороны руководства вуза. Это могут быть средства ассоциаций выпускников, крупных компаний (что делал, например, «ЮКОС» в Томском политехническом и т. д.). Заметный рост такого рода доходов неизбежно приведет к усилению влияния тех же попечительских советов в качестве параллельных органов, если не рутинного (оперативного) управления вузом, то определения стратегических целей и источников его развития, которые при внушительных объемах параллельного финансирования (речь идет, естественно, о государственных вузах) вполне могут выступать на равных как с университетской, так и государственной бюрократией. Наличие же пусть мощного, но занимающего монопольное положение источника финансирования (в нашем случае – государственных средств по линии профильного министерства) и соответствующих практик и институций их распределения неизбежно приводит к сужению университетской демократии, отстранению преподавательского community от участия в действительно важных делах вуза и, в конечном счете, ухудшению качества образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бок Д.** Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 224 с.
2. **Степанцов П.** Как «видят» университеты: от теории организаций к социальной топологии // Социология власти. – 2012. – № 4–5. – С. 77–95.
3. **Губа К.** Рецензия на работы: Наши университеты. Факультеты ненужных вещей? Качества и смыслы гуманитарного образования // Проблемно-тематический сборник / под ред. М. Я. Рожанского, С. Ф. Шмидта. – Иркутск: Центр независимых социальных исследований и образования, 2011. – 112 с.; Наши университеты. Студенты: альманах-исследование / под ред. Е. Г. Боярских, М. Я. Рожанского, Т. Н. Тимофеевой. – Иркутск: Центр независимых социальных исследований и образования, 2010. – 160 с.; Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2014. – № 6(2). – С. 145–148.
4. **Sokolov M.** Academic Profession: Challenges of Transformation. The Sources of Post-Soviet Professorial Power // The Hire Education in Russia and Beyond (HERB). – 2014. – Issue 2, Fall. – P. 10–11. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.herb.hse.ru/en/2014--02.html> (дата обращения: 20.11.2014).

REFERENCES

1. **Bok D.** (2012). *Universities in market conditions. Commercialization of Higher Education.* Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics Publ., 222 pp. (In Russian)
2. **Stepantsov P.** (2012). How to «see» the university: from theory to social organizations topology. *Sociology of Power*, no. 4–5, pp. 77–95. (In Russian)
3. **Guba K.** (2011). Review of the work: Our universities. Departments of unnecessary things? Quality and meanings of arts education. *Topical collection*. Ed. M. Rozhansky, S. Schmidt. Irkutsk: Center for Independent Social Research and Education Publ., 112 pp.; (2010). *Our*

А. М. Аблажей. Преподавательское сообщество в споре о будущем университета

A. M. Ablazhey. Professor's community in a dispute about the university future

universities. Students. Almanac-study. Ed. E. G. Boyarskikh, M. Ya. Rozhansky, T. N. Timofeeva. Irkutsk : Center for Independent Social Research and Education Publ., 160 pp.; (2014).
Laboratorium. Journal of Social Studies, no. 6(2), pp. 145–148. (In Russian)

4. **Sokolov M.** (2014). Academic Profession: Challenges of Transformation. The Sources of Post-Soviet Professorial Power. *Higher Education in Russia and Beyond (HERB)*, Issue 2, Fall, pp. 10–11. [Electronic resource]. Available at: <http://www.herb.hse.ru/en/2014--02.html> (accessed: 11.20.2014).

Принята редакцией: 22.09.2016